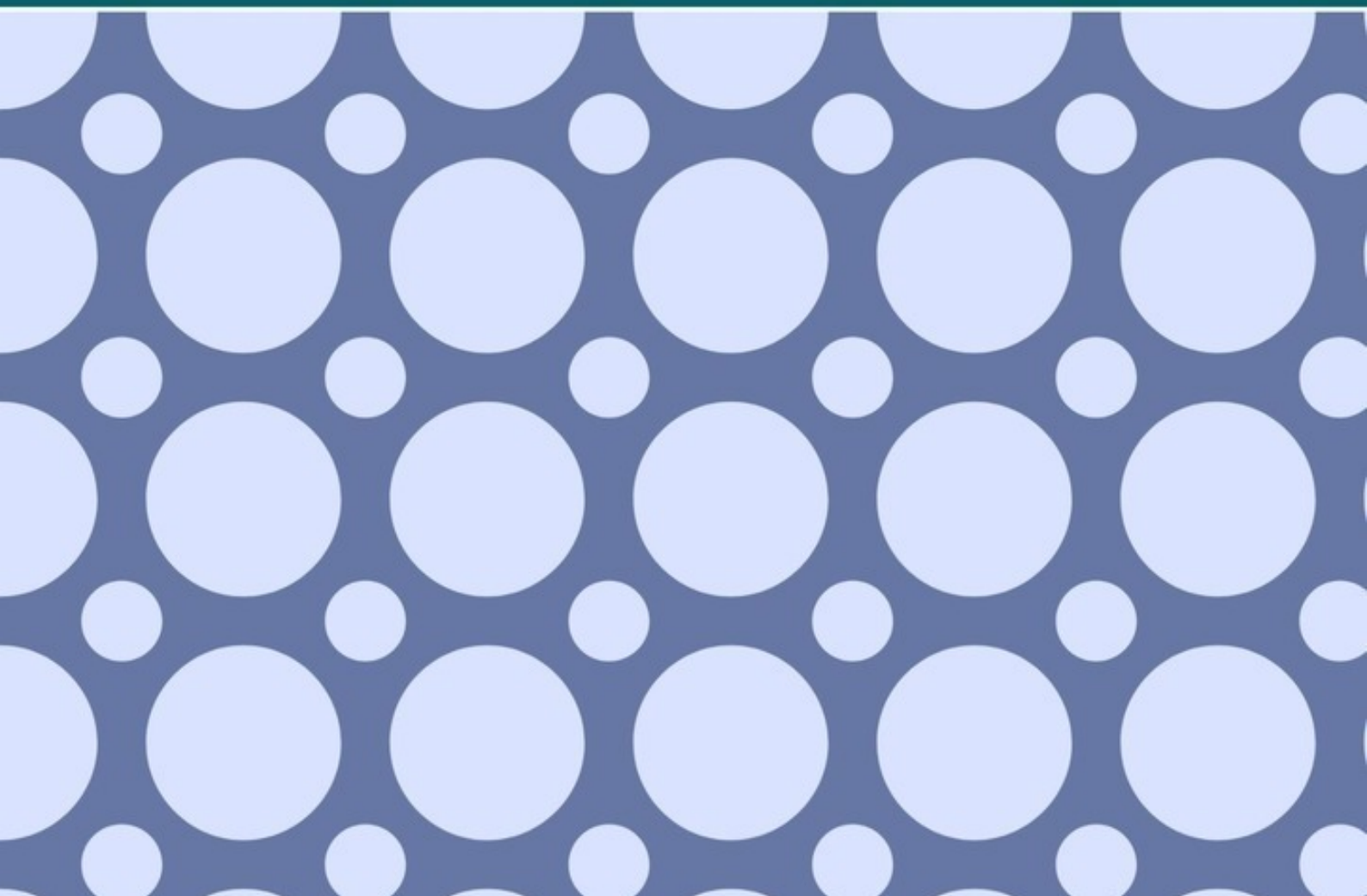

Магдалина Гросс

*Стоит
только
захотеть*

Магдалина Гросс

Стоит только захотеть

«Издательские решения»

Гросс М.

Стоит только захотеть / М. Гросс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964537-1

Сборник рассказов о жизни в современном обществе. Если внимательно взглядеться в строчки, читатели легко распознают в героях книги себя.

ISBN 978-5-44-964537-1

© Гросс М.
© Издательские решения

Содержание

МАКСИМалист	6
ЗАВТРА. ЭТО БУДЕТ ЗАВТРА...	12
Шаг в неизвестность	12
Переложу ручку!	15
Про музыкальную школу, хор и злую собаку	17
Запрятанные вглубь чувства	19
«А меня сумеешь нарисовать?»	21
ЧУЖАЯ ДУША	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стоит только захотеть

Магдалина Гросс

© Магдалина Гросс, 2019

ISBN 978-5-4496-4537-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАКСИМалист

Боже, как эти двое любили друг друга! Казалось, у них не было ничего общего: она была девочкой из детдома, у него же был полный семейный комплект, состоящий из мамы, папы, брата, бабушки и серого кота британской породы.

Она любила историю и литературу, старалась хорошо учиться, но «четыре» было высшей её оценкой и наградой за выучено-вызубренные строчки из учебников. Даже зная материал достаточно неплохо, она могла в последний момент ступешаться, уверенность на удивление быстро покидала её, и тогда ей уже самой казалось, что она действительно ничего не знает из того, что было задано на дом. Рассматривая очередную четвёрку с минусом в дневнике, она никак не могла понять, почему, выучив тот или иной параграф, она так неуверенно воспроизводила у доски то, что пересказывала сама себе ещё вечером достаточно бойко.

Ему всё, ну, или практически всё давалось легко. За отличными оценками он не гонялся, но и в «троечниках» не ходил. Из уроков учил дома одну только физику – свой любимый предмет, залезая в интернет и находя там нетипичные для школьных учебников задачи. Чтобы их решить, мог сидеть до полуночи, а то и вовсе заснуть над книгами, и потом, проснувшись рано утром, снова сидеть и доделывать то, что не удалось сделать накануне. Валяющиеся на письменном столе в беспорядке листки, были исписаны формулами, цифрами, изрисованы чертежами, но он не вставал из-за стола до тех пор, пока задача не сходилась с ответом. Остальные предметы наскоро читались во время перемены и так же наскоро воспроизводились в памяти, если учителя спрашивали его.

Её любимыми занятиями было шитьё (этой премудрости в детдоме обучали всех, но далеко не все могли впоследствии скроить себе даже кухонного передника) и вязание крючком. Белые узорные салфеточки, аккуратно вывязанные по сложным для не разбирающегося в этом деле человека, схемам, украшали почти все комнаты в их детском доме.

У него в «любимчиках» ходил мотоцикл, на котором он не столько катался, сколько постоянно чинил, приходя домой с грязными от машинного масла и солидола руками и хлюпающим носом, потому что ветер, гуляющий снаружи гаража, то и дело норовил забраться внутрь не только гаражных стен, но и под куртку.

После таких ремонтных работ бабушка, вздыхая, отпаивала его чаем с липовым цветом или малиновым вареньем, что, впрочем, не мешало ему на следующий день опять отлаживать работу движка или проверять тормозную систему «железного коня».

Сложно было сказать, что их свело вместе, но, видимо, что-то свело, потому что после месяца знакомства они уже жизни друг без друга себе не представляли.

– О чём вы хоть разговариваете? – удивлялась мать, зная, что её Максим мог поддержать разговор почти на любую тему. А вот барышня была либо слишком скромной, либо немного инфантильной по сравнению с импульсивным и словоохотливым Максом. Если честно, мама больше склонялась ко второй версии, но дружбе особо не препятствовала, зная, что первая любовь редко бывает настоящей, и из этих отношений её сына с девочкой сомнительного происхождения вряд ли что получится. То, что у них с мужем первая любовь вылилась в весьма прочный союз, Светлана Владиславовна считала то ли везением, то ли совпадением звёзд где-то в далёких галактиках. Она частенько так и говорила: «Мы – это редкий случай», подразумевая под словом «мы» себя и мужа – десантника, прошедшего несколько «горячих точек» и вернувшегося целым и невредимым оттуда, откуда многие не возвращались вообще.

Отец же ни в учебные, ни в личные дела сына не влезал, а посему вопросами своему отпрыску не досаждал, считая, что тот разберётся сам как в решении сложных задач по физике, так и в отношениях с девушками.

Максим был благодарен отцу за его мужскую поддержку. Он её всегда чувствовал, всем своим нутром ощущал. А ещё про себя всё время благодарил отца за то, что тот научил его таким приёмам кулачного боя, какие ходившим по разным секциям его одноклассникам даже не снились.

Налетевшие однажды на Максима за школой то ли наркоманы, то ли просто какие-то шалопаи, решившие поиздеваться над «малявкой» -школяром, который возвращался с занятий коротким путём, быстро пожалели о том, что им вообще пришла в голову такая мысль, а именно – испытать на прочность «салагу» из одиннадцатого класса.

Что касается прочности, то её не хватило как раз нападавшим, коих было целых четверо. Был, правда, ещё и пятый, но он был вроде наблюдателя, которого взяли только для того, чтобы в случае чего, тот быстро предупредил остальных, что пора «делать ноги»!

Уложив сходу двоих прямо на месте, Максим сильным ударом в челюсть пригвоздил к железному забору третьего и самого широкоплечего. После этого, резко обернувшись, он уже собрался показать, где зимуют раки четвёртому, обозвавшему его неприличным для мужчины словом. Но злоязычный неприятель внезапно дал такого дёру с места, где происходила драка, что Максим переключил свои боевые умения на неудавшегося доносчика, которого мысленно назвал «шестёркой». Из всей компании тому повезло больше всех: он отделался только разбитым носом. Поглядев ещё раз на корчившихся на земле, явно превосходивших его по возрасту, драчунов и на «предводителя», потерявшего свой геройский вид и продолжавшего прижиматься спиной к решётке забора, Максим для острастки вторично замахнулся на «шестёрку». Но когда увидел, с каким рабским выражением лица, глядел на него парень, у которого на верхнюю губу стекала ручейком кровь, и которую он тщетно пытался остановить, зажимая нос ладонью, Максим, плюнув с досады, поднял с земли свой рюкзак и отправился домой.

Дома он тщательно замыл следы крови, попавшей на его куртку, и никому ничего не сказал. Даже Алине, которая должна была вот-вот приехать к нему, чтобы решать задачи по физике, которая ей никак не давалась.

Правда, учитель из Максима был никчёмный. Объяснив пару раз то, что, по его мнению, и так должно было быть понятно любому мало-мальски сведущему в основах этой науки, человеку, он просто брал у Алины тетрадь и писал в неё решение. Объяснять элементарные, как он полагал вещи, в третий раз, Максим считал делом проигрышным. Впрочем, Алине вполне хватало того, что Максим быстрой рукой набрасывал в её тетрадку. А ещё его присутствия, когда он сидел рядом, и, уже ничего не объясняя, делал записи. А ещё ласковых слов и поцелуев, которыми всегда заканчивались эти занятия. Алина всегда ждала именно конца этих «уроков», потому что в конце её неизменно ожидало самое приятное. А о том, что знания по физике так и оставляли желать лучшего, она не задумывалась. Ну, а уж если отдать дань справедливости до конца, Максим об этом не задумывался тоже.

Наступили их последние осенние каникулы. На следующий год, куда бы оба ни поступили, осенних каникул уже не будет ни у того, ни у другого. После летних придётся набраться терпения и сразу ожидать новогодних праздников и следующих за ними дней отдыха.

Встретив Алину на трамвайной остановке, где они часто встречались, Максим предложил прогуляться по микрорайону старой застройки.

Он любил эти двух- и трёхэтажные дома, которые окружали его с рождения. А вот к вырастающим, как грибы, многоэтажкам, у него было совершенно другое отношение. Они казались Максиму несоразмерно большими, сделанными грубо и безо всякого вкуса, в то время как постепенно стареющие и ветшающие дома сталинского типа являли собой, по мнению Максима, образец «настоящих» домов. Некоторые из них он вообще считал произведениями искус-

ства! Колонны, украшавшие фасады нескольких домов их микрорайона, балконы с витыми вставками, окна, над которыми иногда можно было увидеть лепные украшения – всё это вызывало в душе Максима неподдельные чувства восхищения архитектурой прошлого столетия.

– Как же раньше красиво строили... – начал он.

– Да, хорошо, – отозвалась Алина, – мне тоже кажется, что эти небольшие дома намного уютнее и по-домашнему теплее, чем вон те громадины, которые мы с тобой видим невдалеке.

– И как там люди живут? – продолжал развивать свои мысли Максим, – они ведь там и друг друга по-человечески не знают. Подъезды в них неаккуратные, в каждом мусоропровод, перила на лестницах сломанные... Не-е-е, я в таком доме, например, жить бы совсем не хотел.

Так они и шли, болтая о сначала о домах, потом переключились на какие-то другие темы – мало ли о чём могли говорить парень с девчонкой! Верховодил в разговоре, конечно, Макс, и Алине нравилось просто слушать его. Слушать голос, ставший таким родным... Сама она действительно была немногословным человеком, но зато она обладала редким для хорошего собеседника качеством – она была прекрасной слушательницей. Вставляя изредка фразу или две в рассуждения Максима, она вроде бы и не оставалась в стороне от его речей, и с другой стороны, всегда внимательно слушала того, к кому в последнее время так привязалось её сердце, которое ещё ни разу не испытало настоящей любви. А охотник до рассуждений – Максим – очень ценил это качество своей юной подруги, потому что именно ей, как казалось ему, он мог поведать и доверить всё, что угодно.

Незаметно сначала сгустились сумерки, а затем и совсем стало темно. Максим предложил Алине проводить её на трамвай, только на другую остановку. В этом у него был свой интерес: мало того, что до соседней остановки путь был длиннее, так он ещё пролегал через небольшую рощицу, где Макс надеялся в темноте поцеловать свою барышню, чувства к которой у него росли с каждым днём.

Они прошли через мостик и уже приближались к деревьям, которые скрыли в тёмное время суток, наверное, уже не одну целующуюся парочку, как вдруг оба услышали пьяные голоса, гогот, а ещё какой-то странный звук, больше похожий на визг то ли кутёнка, то ли молодой собаки.

«Подожди-ка меня здесь, – попросил Алину Максим и быстрым шагом пошёл на этот непонятный звук.

Картина, которая предстала его глазам, на секунду ошеломила его. Молодые люди примерно его возраста, скорее это были парни из рядом расположенного ПТУ, тянули маленького рыжего щенка в разные стороны, держа его за лапы. Видимо, занимались этим варварством они уже давно, потому что малыш уже даже не визжал, а едва пищал от ужаса и боли. А парни, хохоча, продолжали свою издевательскую игру. Горевшая на электрическом столбе лампа, давала слабый свет, но, тем не менее, Максим всё же разглядел, что около пьяной компании валялось несколько пустых банок из-под алкогольных коктейлей и пива.

– Эй, мужики, – обратился к ним Максим, – зачем над собачкой издеваетесь?

– Проваливай, – тот час же ответило ему несколько нетрезвых голосов. Кутёнка же в это время не переставали тянуть за лапы и за хвост, что доказывал писк, доносившийся со стороны подвыпивших молодых людей.

– Тебе чего надо? Ты, хмырёныш малолетний! – один из парней вырвал щенка из рук остальных и сунул трясущееся создание под нос Максиму. При этом собеседник дыхнул так, что у того сомнений не осталось: трезвой вся эта шайка-лейка не была точно.

– Собаку отпусти, – твёрдо сказал Максим, не повышая голоса, – да побыстрее.

– А ты кто здесь? Командир, что ли? – вызывающим тоном осведомился собеседник, приблизив вплотную лицо к Максиму.

– Глянь! Командир объявился! – захохотал он, оборачиваясь к своим друзьям.

– Да ладно, Кирюха, заканчивай на него время тратить! – раздались ответные голоса, – дай ему по шее, чтобы отвалил. А то уж больно посмотреть хочется, сколько эта шерстяная тряпка ещё выдержит.

Вот тут-то Максим и начал понимать, что несчастного щенка взяли мучить не просто так, а явно с какой-то варварской целью, взявшись одновременно тянуть за лапы и хвост.

– Вот уроды! – Макс даже сам не понял, когда произнёс эти слова, видимо, они вырвались из него невольно.

– Это кто тут урод? – наспех передав щенка стоявшему рядом парню в кожаной кепке, надвинулся на Максима толстый парень, – кто тут урод, ну? И он, сделав резкий выпад, толкнул Максима в плечо.

Дальше всё произошло быстро и для подгулявшей компании совершенно неожиданно.

Удар – и толстяк полетел в толпу собутыльников.

Ещё удар – и парень в кепке отправился вслед за ним.

Компания смешалась.

«Коронным ударом» Максима был отнюдь не запрещенный удар ниже пояса. Это был как раз тот удар, которым он несколькими днями раньше свернул челюсть незнакомцу, что возглавлял группу взрослых парней, встретивших его за школой. При этом горе-воин тоже весьма воинственно размахивал кулаками. Но, как выяснилось чуть позже, махал он ими довольно неумело, а – стало быть – совсем напрасно.

– Кому тут ещё хорошую жизнь устроить? – тяжело дыша, спросил Макс, собираясь наградить первого желающего своим действительно коронным ударом, которому в своё время долго и настойчиво обучал его отец.

Удивительно, а, может быть, наоборот – неудивительно, но желающих не нашлось. Упавший на землю парень в кепке, непритворно стонал от боли. Двое склонились над ним, ещё двое потихоньку решили уйти – видимо были не настолько пьяны, а, стало быть, соображали немного лучше своих побитых товарищей. Толстый меж тем сыпал искрами из глаз направо и налево и вообще не мог сообразить, что такое с ним произошло, и почему это у него не получается дать сдачи щуплomu на вид своему обидчику. Но мало того, что у него не получалось дать сдачи, он никак не мог сообразить, где Максим вообще находится! Поэтому инициатор драки постоянно поворачивался то в одну сторону, то в другую, напоминая со стороны лишившегося рассудка человека, не понимающего куда ему, наконец, стоит начать двигаться.

О щенке, кажется, все забыли. Все, кроме Максима.

Он подобрал с песка замученного пёсика, который не переставал мелко дрожать и тихонько попискивать, и вернулся с ним к Алине. О своих намерениях поцеловать барышню он уже забыл.

Алина, которая очень сильно испугалась за Максима, тоже стояла и дрожала, хотя ветра на улице не было. Сняв куртку, паренёк накрыл ею свою спутницу, и, оставшись в тонком свитере, стал разглядывать отнятое несколько минут назад у садистов животное.

Щенок почти неподвижно лежал на широченных ладонях Максима, свесив лапки вниз. Он, видимо, ожидал уже самого худшего и готовился к тому, что его сейчас опять начнут дёргать за лапы и хвост, пока, наконец, их не оторвут!

– Какой лапочка! – Алина наклонилась над рукой Максима. Она стала гладить щенка по шерстке, и тот, сначала вздрогнувший от прикосновения человеческой руки, открыл глаза. Дойдя до первой попавшейся скамейки, Макс с Алиной наперебой стали гладить измученного малыша, удивляясь при этом, как такое крохотное, а главное – такое хорошенькое – создание можно было подвергнуть жутким пыткам.

А рыжий щенок, словно поняв, что опасность ему больше не грозит, ткнулся Максиму в запястье и заскулил, будто бы заплакал.

– Жалуется, бедненький, – со вздохом произнесла Алина, которая только могла догадываться, что в компании, которую раскидал Макс, этому крошечному представителю собачьего рода пришлось несладко.

– А что ты с ним теперь будешь делать? – спросила она, полагая, что держать собаку дома мать своему сыну точно не разрешит.

– Не знаю пока, – пожал плечами Максим и надел куртку, – с батей поговорю. Он что-нибудь придумает.

Проводив Алину, Максим ещё какое-то время ходил по улицам, поглаживая щенка, которому, как он небезосновательно думал, надо было привыкнуть к теплу человеческих рук, а потом пошёл домой.

Ему повезло. Щенок, каким-то внутренним чувством понявший, что скулить и пищать пока не надо, тихонько лежал на пачке старых газет в прихожей и умильно шурился, пока его спаситель раздевался. Светлана Станиславовна, разговаривавшая в этот момент по сотовому телефону и, судя по всему, дававшая указания по закупкам на фирме, махнула сыну в знак приветствия рукой, и тотчас исчезла в бабушкиной комнате. Сама же бабушка возилась на кухне то ли с блинами, то ли с оладьями, поэтому она тоже не обратила внимания на приход внука. Ну, а брат – тот вероятнее всего, ещё не вернулся из своей баскетбольной секции. На носу были областные соревнования, и это всё объясняло.

– У-ра, – тихо сказал Максим себе под нос и на цыпочках проскользнул в кабинет отца, аккуратно подсунув щенка под свитер. Тот, правда, в этот момент удивлённо пискнул, но его никто не услышал.

Рассказав в кабинете о произошедшем, Максим вопросительно поднял на отца глаза: «Пап, что делать-то будем?»

Отец, через руки которого в армии прошло много собак (правда, не дворняжек, к которым, судя по всему, относился щенок, а представителей более серьёзных пород), взял кроху за холку, определил, что это мальчик и, покачав головой, задумчиво произнёс:

– Ох, сын, ну куда мы этого малютку денем? Может быть, кому-то из твоих друзей нужна собака?

– Я знаю, кому нужна, – неожиданно вспомнил Максим, – дяде Пете в деревню. Он ведь давно просил, чтобы ему из города собаку привезли.

– Вот именно – собаку! – усмехнулся отец Максима и при этом покачал головой – а не щенка, у которого ещё молоко на губах не обсохло. Нет, Макс, не годится твоё предложение. Я думаю, что дядя Петя от него откажется.

– А маме что теперь скажем? – спросил Максим с унылыми нотками в голосе, – она сейчас так кричать начнёт! Да и кот у нас...

– Да и кот, – повторил отец. Потом похлопал сына по плечу. – Ладно, не расстраивайся, утро вечера мудренее, знаешь такую поговорку?

Максим кивнул.

– Ну, а до утра что-нибудь придумаем, – заверил отец. И добавил: «Молодец, сынище! Горжусь тобой! Не дать в обиду слабого – это по-мужски!»

– Молодец! – ещё раз повторил он, – ты дверь в мою комнату прикрой пока, я с мамой сам поговорю.

Однако, к удивлению обоих, дядя Петя – брат Светланы Станиславовны – с которым отец созвонился утром по телефону безо всякой надежды на то, что тот возьмёт себе щенка, согласился его забрать.

– А то, что он пока такой маленький – так это даже и лучше, – сказал он в трубку, – считай, с раннего детства привыкать начнёт к нашей деревенской жизни.

– Ну, как сделаем? – весёлым голосом, в котором отец Максима уловил едва заметные хитрые нотки, продолжил он, – ты собаку мне привезёшь или мне самому приехать за ней?

Порешили на том, что отец сам съездит в деревню, а заодно поможет Петру достроить навес над входом в дом. Так «собака», которую и «собакой» – то рано было ещё называть, в ближайшие выходные отправилась осваивать своё новое жилище.

А Максим, будучи уверенным, что «два раза снаряд в одну воронку не попадает», снова выбрал в субботу ту же самую дорогу.

Он оказался прав. Молодые люди прошли знакомой им тропинке взад-вперёд целых три раза, однако шумной компании больше не встретили. Да они вообще никого не встретили. Попавшаяся им на пути трёхшёрстная кошка, была не в счёт. Та, увидев приближающуюся парочку, быстро юркнула в придорожные лопухи, которые в виду тёплой погоды, продолжали стоять и удивлять размерами своих листьев проходящих мимо людей.

Так что спастись было совершенно некому, и поэтому планы – поцеловать Алину – у Максима в этот раз реализовались очень даже хорошо.

ЗАВТРА. ЭТО БУДЕТ ЗАВТРА...

Ляман Багировой

Шаг в неизвестность

На часах уже почти половина первого, а Сашутка всё ворочается и ворочается в своей кровати. То ли кровать действительно неудобная (Сашутка никогда не любила эту старую, скрипучую койку), то ли она так волнуется перед завтрашним днём.

Правда дедушка – мало того, что он врач, так ещё и профессор! – говорит, что в семь лет дети ещё не умеют волноваться, потому что они этого не понимают. И ещё потому, что нервная система у них не расшатана.

...За окном громыкает очередной трамвай. После того, как его железные колёса равномерно простукивают по двум железным рельсынам, похожим на бесконечно длинных змей, на старом серванте начинает качаться треугольная ручка. Вперёд-назад... вперёд-назад... И так ещё долго-долго, как будто кто-то качается на игрушечной качели, хотя звуки, издаваемые трамваем, уже давно исчезли вместе с ним. А ручка всё качается и качается, словно не хочет останавливаться.

Сашутка закрывает глаза и в который раз пытается уснуть.

Куда там! Сон словно смело из её головы. Совсем, как это делает дворник, дядя Петя, который сметает пожелтевшие к осени листья своей широкой, сделанной из прутьев, метлой. А теперь ещё и сон, словно подхваченный этими прутьями, унёсся вслед с листьями.

– Хорошо, дяде Пете, – думает Сашутка с закрытыми глазами, – ему завтра только двор надо подмести. И всё. Он метёт и метёт, и ни о чём не думает.

Дом уже давно спит. Спит мама, которая до позднего вечера гладила для Сашутки форменный пиджак и плиссированную юбочку. Спит, и даже похрапывает дедушка в своей комнате. Даже кошка Матрёна спит на коврикe около кровати девочки. Или только щурит глаза, но совсем даже не спит?

Сашутка вздыхает и переворачивается на другой бок.

Завтра такой день... Она возьмёт маму за руку, или наоборот – это мама возьмёт её – и они пойдут в школу. В эту незнакомую школу, где Сашутка почти ничего не знает. Не знает ничего и никого.

Когда она ходила в садик, к ним перед Новым Годом приходили две учительницы. Одна была постарше, и у неё были волосы с проседью, забранные в пучок, который смешно топорщился на макушке. Другая учительница была совсем молодая. Она была одета в красивую блузку то ли с мелкими бусинками, то ли с бисеринками, которые весело переливались под светом лампочек. Обе учительницы принялись рассказывать о школе, как там хорошо и интересно. Как уроки для первоклассников длятся всего-то полчаса, зато на переменах можно играть и бегать по длинному-длинному коридору. И что иногда малышей приходят развлекать ученики постарше, которые ходят заниматься в театральный кружок. И что в школе вообще разных кружков много, и ещё есть спортивные секции. Сашутка слушала внимательно, она даже шею от усердия вперёд вытянула, но всё равно мало, что поняла. А после того, как учительницы закончили говорить, что-то понять и подавно было невозможно, потому что все мамы сразу ринулись вперёд. Причём настолько шустро, что чуть не сшибли этих самых учительниц с ног.

И они все сразу же заговорили, причём так же одновременно, потому что та учительница, что была помоложе, сначала удивлённо тарачила глаза, а та, которая была постарше, даже

сделала шаг назад. А потом молодая учительница подняла руку и попросила говорить не так быстро и не так громко.

В конце концов, мамы всё-таки опять уселись на свои стулья, рядом с детьми, и задавали вопросы уже по очереди. Учительницы отвечали им и даже улыбались, но когда пришла очередь записывать детей в первый класс, мамы опять сорвались с мест и, опережая друг дружку, бросились писать на специальных листочках имена своих сыновей и дочек.

Сашутка всё это время сидела на своём деревянном стульчике и терпеливо ждала, когда они с мамой наконец пойдут в магазин за мандаринами. Ведь мама обещала их купить! А Сашутка любила мандарины за оранжевую и совсем не пупырчатую, как у апельсинов, корку, а ещё за то, что их всегда покупали перед Новым годом. А когда случалось купить мандарины летом, они всегда напоминали ей этот весёлый, чудесный праздник и возникающую по этому случаю в доме ёлку.

Когда потом мама помогала Сашутке надеть шубу, она сказала, что записала её к самой лучшей учительнице, которая в сентябре должна будет взять первоклассников. И что Сашутка, благодаря маминой прыти, будет учиться именно у неё.

Сашутка думала, что мама говорит про молодую учительницу, потому что она девочке очень понравилась. И кофточка её понравилась, и голос, и улыбающееся лицо. Ещё там, в зале, ей показалось, будто бы блестящие бисеринки на блузке отражаются прямо в глазах и начинают ярко сверкать в них, когда учительница улыбается. Но мама сказала, что она записала её к той учительнице, которая была постарше. Потому что у той, как считала мама, было больше опыта.

– Не хочу к той старушке, – заныла Сашутка, – она некрасивая. И платье у неё тоже некрасивое.

Но мама не слушала. Она сказала, что вторая учительница никакая не старушка, и чтобы Сашутка не говорила глупостей. А потом мама крепко взяла её за варежку, высунувшуюся из рукава шубейки, и повела её к выходу.

– Не хочу, не хочу, – всё твердила Сашутка, пытаясь заплакать, потому что знала, что её слёзы иногда смягчали мамины твёрдые решения.

Но заплакать ей не удалось. А мама так и продолжала тащить Сашутку, держа её за варежку. Когда они спустились вниз и вышли на улицу, холодный ветер так и обжёт Сашуткино лицо. И руки тоже обжёт. Так что пришлось ей надевать варежки, чтобы ветер чего доброго не забрался ещё и в рукава.

– На следующей неделе пойдём с тобой в школу! – прокричала ей мама, стараясь перекричать ветер, который дул обеим прямо в лицо, – и ты увидишь, как там здорово!

Но вечером у Сашутки внезапно поднялась температура, и на следующий день они никуда не пошли. Наоборот, это к ним пришла врач и, сначала осмотрев Сашутку, а затем поговорив с мамой, оставила после своего ухода кучу разных бумажек и запах поликлиники, похожий на смесь лекарств и какой-то жидкости, которой мама периодически мыла раковину. По крайней мере, Сашутке именно так и показалось, потому что этот запах долго ещё стоял у неё где-то глубоко в носу и не хотел выветриваться даже из прихожей.

И вот теперь все эти воспоминания никак не дают Сашутке заснуть. А слово «школа» представляется ей даже не то, что бы новым – оно вообще какое-то чужое.

Она приподнимается на кровати, чтобы посмотреть, спит ли Матрёна. Матрёна безмятежно спит, вытянув лапки по всей длине коврика.

– Жалко, кошку нельзя в школу взять, – думает девочка, – с ней было бы намного веселее. А Матрёна, словно догадываясь о том, что Сашутка очень желала бы видеть её вместе с собой в школе, тихонечко потряхивает хвостом во сне, будто соглашается пойти с ней.

За окном гроыхает очередной «дежурный» трамвай. Треугольничек на серванте опять начинает раскачиваться. И всё повторяется. Трамвай уезжает, он уже далеко, а ручка в виде треугольничка всё качается и качается...

Наконец Сашутка начинает засыпать. Ей хочется и не хочется, чтобы наступал завтрашний день. Любопытство борется внутри неё со страхом. Но тут в битву вступает ещё и сон, который решительно побеждает и страх, и любопытство. Одолевает он и Сашутку.

– Всё будет завтра, только завтра, – думает она, поддаваясь усталости, которая наконец приходит к ней после напряжения. Может, всё ещё будет очень даже весело. И совсем не страшно.

Следующего трамвая, который громыхает за окном через положенное время, Сашутка уже не слышит.

Переложи ручку!

Сашутка давно уже освоилась в школе. Она хорошо знает, что умывальник находится напротив их класса, а столовая, куда – если честно – она не особенно любит ходить – на первом этаже. Нет, когда вместо обеда им дают йогурт и печенье – тогда любит. Но это бывает нечасто.

Напротив столовой находится кабинет рисования с разными интересными штуками, сделанными из дерева. А ещё там есть белые гипсовые головы и даже отдельные носы! Но малышей туда не пускают, говорят, что всё это они будут рисовать в старших классах.

А вот в спортивный зал, который тоже расположен на первом этаже, пускают. Сашутка любит туда ходить. Там можно поиграть в мячик, полазить по лесенке, которую все называют «шведской» (наверное, её из самой Швеции привезли!), или просто побегать.

Ещё Сашутка обожает читать вслух. Спасибо деду – это он научил её читать сначала отдельные слова, а потом и целые предложения.

Пока вчера её одноклассники по слогам читали историю про храброго утёнка Алёшу, Сашутка давно уже всё прочитала про себя, и потом сидела, глядя в окно, и смотрела на листья, которые падали даже от слабого порыва ветра.

А вот чего Сашутка не любит – так это писать. Причём ни в прописях, ни в тетради по математике, хотя эта тетрадь расчерчена в клетку, и писать в ней проще, чем по линейкам.

Вся беда в том, что Сашутка постоянно берёт ручку в левую руку. Учительница так и сказала, что Сашутка – левша. Девочка поначалу подумала, что их учительница Нина Фёдоровна смеётся над ней и, обидевшись, даже разревелась прямо на уроке.

Оказывается, никто над Сашуткой не смеялся. Просто «левша» – это человек, который всё делает левой рукой. Сашутка этого не знала, она всю жизнь привыкла и ложку брать в левую руку, и мячик левой рукой кидать, и вот теперь берёт ручку не в правую руку, как это делают все, а в левую. По привычке. А потом начинает писать. Всё той же левой рукой.

Заканчивается это каждый раз одинаково: учительница вынимает ручку из левой руки Сашутки и перекладывает её в правую. Как только Нина Фёдоровна отворачивается, Сашутка – раз! – и снова берёт ручку в левую руку. Но терпению Нины Фёдоровны можно позавидовать. Она может переложить ручку в правую руку Сашутки, наверное, раз сто! А, может, и больше. Сашутка не считала, потому что до ста ей сосчитать пока ещё не удаётся. Ей просто кажется, что сто – это такое большое число, что больше него, наверное, только миллион. То, что «миллион» – это очень много, Сашутка знает от мамы. Та иногда, нахмутив брови, строго говорит, когда Сашутке не хочется убирать игрушки:

– Тебе что, миллион раз надо повторять?

Поэтому Сашутка и знает, что «миллион» – это ужасно много.

А Нина Фёдоровна никогда не повторяет. Просто берёт ручку и перекладывает ей, и ничего при этом не говорит. Нет, иногда, правда, говорит строгим голосом:

– Переложи ручку. Нельзя писать левой рукой.

– Почему? – как-то раз спросила у неё Сашутка.

– Потому что не полагается, – ответила Нина Фёдоровна. И потом добавила, что когда она училась, у них все писали только правой рукой.

Сашутка сразу представила себе, как в классе сидят пожилые дяди и тётки и аккуратно выводят палочки и кружочки правой рукой. О том, что Нина Фёдоровна тоже когда-то была маленькой и училась в первом классе, Сашутка просто не подумала. Она представляла себе, что Нина Фёдоровна всегда была такой же пожилой, какой она её привыкла видеть.

В конце концов, Сашутка овладевает письмом. И к концу второй четверти довольно уверенно пишет правой рукой буквы и цифры. Да так ловко, что даже отличник Серёжка Шуми-

лов за ней не успевает. Хотя он сразу начал писать правильно, именно так, как говорила Нина Фёдоровна, и над ним никто не стоял. И ручку из одной руки в другую тоже не перекладывал.

И только дедушка сказал, что переучивать Сашутку было не обязательно. Даже не нужно, потому что раз левша всё делает левой рукой, значит и писать он (или она) должен левой.

А мама ничего не сказала. Она, видимо, продолжала считать, что Нина Фёдоровна всегда и всё делает правильно. И раз сказала, что Сашутку надо переучить, значит – так действительно надо было сделать.

Про музыкальную школу, хор и злую собаку

В музыкальную школу, или попросту в «музыкалку», Сашутку водит или бабушка, или тётя Валя, мамина двоюродная сестра. Маме водить дочку некогда, потому что ей приходится много работать. Она просто везде не успевает.

Сашутка очень любит петь, поэтому её сразу же записали именно на хоровое отделение.

Но ещё больше Сашутка любит дорогу до «музыкалки». Дело в том, что по пути ей приходится проходить мимо старых частных домов. Там, в одном из дворов живёт собака. Саму собаку Сашутка никогда не видела, зато слышала её лай. А ещё на калитке красуется весьма внушительная табличка, где нарисована собачья голова и стоит подпись: «Осторожно! Злая собака!»

В том, что собака действительно злая, Сашутка не сомневается. Эта собака лает так, что, кажется, зайдя Сашутка в этот двор, злая псина тот час же разорвёт её на части.

Заходить Сашутка не рискует. Зато она с увлечением каждый раз дразнит собаку, проходя мимо знакомого кирпичного дома.

– Р-р-р... гав, гав, гав, – начинает изображать за забором Сашутка собачий лай.

Судя по всему, получается у неё неплохо, потому что собака тот час же отвечает ей весьма сердитым басом.

– Зачем ты это делаешь? – каждый раз спрашивает Сашутку бабушка, от которого егоза-внучка заранее убегает, чтобы подразнить злую собаку.

– Просто так! – залиvisto смеётся Сашутка, – это так весело, когда она рычит!

– Весело... – передразнивает бабушка, – чтобы этого в следующий раз не было!

– Ладно, ладно, – кивает Сашутка, когда они отходят от дома на приличное расстояние.

Но в следующий раз всё повторяется снова. И бабушка вновь принимается ругать Сашутку за то, что она не слушается.

Тётю Валию же Сашутка и подавно не боится. Ходит её бабушка не быстро, то и дело останавливается, обращаясь к Сашутке: «Постой, дочка, не убегай вперёд. Я за тобой не успеваю». Сашутка старается идти настолько медленно, чтобы бабушка не торопилась и не дышала так тяжело, потому что она знает, что у той больное сердце. Но как только они приближаются к знакомому красно-кирпичному дому, Сашутка, забыв все правила приличия, сначала ускоряет шаг, а затем срывается с места и пулей добегают до забора с вывеской «Злая собака» и начинает уже известное:

– Р-р-р-р... р-р-р-р.... Гав-гав! Р-р-р...

Собака, словно ожидая Сашуткину дразнилку, тотчас отвечает из-за забора громким лаем и рычанием. При этом она, судя по всему, бежит по двору и гремит цепью, что отчётливо слышно и Сашутке, и идущим мимо забора прохожим. Некоторые из них улыбаются, наблюдая, как Сашутка вертится перед забором и изображает собачий лай, некоторые качают головами. Но большинство проходит мимо так, как будто Сашутки с её гримасами для них вообще не существует. Они идут, занятые своими мыслями, и на незнакомую девочку – ноль внимания.

Иногда прохожих нет вообще, но Сашутку это ничуть не смущает. Ведь она же не для посторонних дядей и тётей старается! Ей просто становится весело, когда у них с неизвестной собакой получается вот такой своеобразный дуэт.

Подождевшая бабушка Валя не ругает Сашутку. Она только говорит, словно удивляясь:

– Сашенька, кто бы мог подумать! Ведь ты до пяти лет букву «р» совсем не умела говорить. А сейчас что? Рычишь, как будто тебя специально этому научили!

– Никто меня не учил, – хохочет Сашутка, – я сама всему научилась!

И, издав собаке на прощание последнее, особенно громкое, «р-р-р», отходит от забора. Хочешь или не хочешь – а в музыкальную школу опаздывать нельзя. Тем более на любимый

хор, где ей часто дают петь сольные партии! Поэтому оставшуюся до музыкальной школы дорогу Сашутка идёт степенно. Словно это и не она десять минут назад всеми мыслимыми и не мыслимыми способами пыталась вывести из себя собаку за забором.

Запрятанные вглубь чувства

– Боже мой, как нам стали много задавать! – думает Саша и, зевая, отодвигает от себя учебник истории.

Затем она смотрит в одну точку, словно пытаясь осмыслить слова из параграфа, в котором рассказывается про «золотой век Грузии» и про царицу Тамару, цветное изображение которой есть тут же в учебнике.

– Какая же она всё-таки красивая... – думает Саша, глядя на черноволосую царицу, которая гордо восседает на белом коне, покрытом шикарной разноцветной попоной. Её ноги, обутые в красные узконосые сапожки, красуются в стременах, изящно сделанных под небольшую женскую ножку; белые, ухоженные руки уверенно держат поводья. Корона у царицы Тамары небольшая, она выполнена из светлого золота и очень подходит к цвету лица своей обладательницы. Кажется, она делает его ещё прекраснее...

Впрочем, через несколько минут Сашины мысли переключаются на собственное лицо, а заодно и на Вовку Чернухина, в которого влюблены все девочки класса.

– Почему, ну почему я такая некрасивая? – Саша, наверное, в сотый раз задаёт себе этот не имеющий ответа, вопрос. Она достаёт из ящичка стола маленькое круглое зеркальце и внимательно рассматривает лоб, глаза, нос. Потом её взгляд спускается к подбородку, который кажется Саше особенно некрасивым и портящим всю её наружность. Нос, вернее, его длина тоже не дотягивает до понятия «красота». Чем именно он не дотягивает, Сашутка не может толком объяснить. Одно она знает точно: *такой* нос красивым назвать нельзя.

А тут ещё небольшие прыщики, вылезшие совсем недавно и так некстати. Откуда только они взялись, да ещё и в таком количестве сразу? Весь лоб заполонили, как грибы-поганки. Хорошо ещё, у Сашы длинная чёлка, и об этой новой проблеме пока, кроме неё, никто не знает.

– Ни за что больше не постригусь. Ни на сантиметр, – думает Саша, – а уж чёлку – и тем более не дам укорачивать.

Правда, если бы Сашины глаза умели говорить, они давно попросили бы свою хозяйку обрезать не в меру отросшие волосы, падающие на лоб, потому что им сквозь них совсем ничего в последнее время не видать. Но Саша предпочитает или почаше моргать, или дует на чёлку изо всех сил, если она уж очень сильно мешает, но сдаваться не собирается. И чёлка пока избегает участи стать в каком-нибудь парикмахерском салоне хотя бы на сантиметр короче.

Правда, Саше уже досталось от Вовки Чернухина, глядя на которого она незаметно для себя краснеет, а сердце у неё начинает трепыхаться так, словно пытается вырваться из клетки. А он, даже не подозревая о девчоночьих чувствах, подошёл как-то раз, и ка-а-а-к дёрнет её изо всей силы за эту самую чёлку! Саша даже сообразить ничего не успела, как Вовка захохотал и насмешливо произнёс:

– Надо же, какая крепкая! Как у лошади!

А следом за ним и другие мальчики принялись смеяться, как ненормальные. Но до других Саше дела нет: хотят – пусть смеются хоть сутками. А вот Вовка Чернухин... Как же он посмел? Ей тогда захотелось убежать, куда глаза глядят, но в это мгновение зазвенел звонок, и пришлось Саше вместе с остальными направиться в класс.

Тогда Саша пол-урока мучилась от мысли, что её сравнили с какой-то там лошадкой. Обида, казалось, захлестнула её настолько сильно, что она даже объяснений учителя биологии Никиты Геннадьевича не слушала и спохватилась только тогда, когда до неё донёсся его вопрос, а в голосе одновременно улавливались и весёлые нотки, и желание услышать правильный ответ:

– Ну-с, Ковалёва, что ты теперь можешь рассказать нам о ланцетнике?

А Ковалёва – это она, Саша, названная по фамилии, стоит, как столб и никак со своей обиды на какого-то там ланцетника переключиться не может.

– Всё в облаках витаешь, Ковалёва, – с искренними нотками сожаления произнёс Никита Геннадьевич. А потом, разрешив Саше сесть на место, вызвал к доске её подругу Наташку, которая отчеканила про ланцетника так, как будто только с ним одним всю жизнь и водилась.

– Повнимательнее будь, Ковалёва! Слушай, что на уроке объясняют! – назидательно изрёк Никита Геннадьевич, выставляя Наташке заслуженную пятёрку в журнал.

Наташке хорошо, у неё нет прыщей на лбу. И чёлки у неё тоже нет. Поэтому дёргать мальчишкам её не за что, и, стало быть, с лошадыю сравнивать, её тоже никто не будет. Да и не решится никто Наташку обозвать, потому что все знают, что у неё брат учится в десятом классе. И если кто посмеет сравнить её не то, что с лошадыю, а хотя бы с муравьём, тому очень сильно не поздоровится. Потому что все знают, что Наташка тот час же побежит своему братцу жаловаться. А тот мало того, что незамедлительно явится, так ещё и друзей своих высоченных приведёт. И тогда горе тому семикласснику, который посмел что-то сказать про сестру Игоря Нестерова!

Тот и выяснять не будет: затащит озорника с длинным языком за угол и так обидчику Наташки загривок отполирует, что тому мало не покажется. А друзья Игоря в этот момент будут стоять и на всю эту сцену смотреть. И хохотать при этом, как недавно хохотал Чернухин, сравнивший Сашу с лошадыю.

Но как бы ни обижалась Саша на невоспитанного Чернухина, сердце ей всё равно сдержать очень и очень трудно. Ей вообще кажется, что в нём поселилась какая-то невидимая пружинка, которая при мыслях о Чернухине то сжимается, то разжимается. И от этого Сашино сердце то колотится, словно сорвавшееся с цепи, то замирает, заставляя Сашу внезапно робеть и краснеть.

А голова словно сговорилась с сердцем: не хочет она ничего запоминать ни про ланцетника, ни про золотой век Грузии, ни решать примеры с формулами сокращённого умножения. Один только Вовка Чернухин с утра и до вечера занимает Сашину голову. И если бы только Сашину!

Хотя, если честно, ничего особенного в этом Чернухине нет. Учится он так себе, да ещё благодаря тому, что играет в футбол, периодически уезжает на соревнования. Когда его нет в классе, Саше кажется, что даже солнце за окном светит не в полную силу, а мир вокруг становится до ужаса скучным.

Вроде и класс тот же, и мальчишек полно. Но это всё НЕ ТЕ мальчишки, которые нужны Саше. А ТОТ, который нужен, не успел вернуться со своих соревнований – моментально сравнил Сашу с лошадыю. Да ещё и насмешничать начал, будто сказал что-то умное!

– Дурак, – говорит сама себе Саша. И, глядя, на прекрасный образ грузинской царицы Тамары и продолжая тайно завидовать её красоте, вздыхает: «Ну, правда, какой же он дурак, этот Чернухин!»

Однако слова – словами, а сердце так и продолжает сжиматься, когда Саша представляет себе Чернухина. Видно, прав дедушка, когда иногда говорит, глядя с хитрым прищуром на внучку: «Сердцу не прикажешь».

Откуда вот он всё знает? Или не знает, а только догадывается?

Чудной народ, эти взрослые!

«А меня сумеешь нарисовать?»

Приходит очередное лето, а с ним и долгожданные каникулы. Саша, которая твёрдо решила поступать учиться в художественное училище, пока раздумывает над тем, стóбит ли ей уходить из школы после девятого класса, или пока повременить. Уж очень жалко расставаться со школой, с подружками и, как ни странно, даже с учителями. Ведь после одиннадцатого туда поступить тоже можно, и экзамены сдавать нужно те же самые: русский язык, математику и экзамен по рисунку.

Саша уже давным-давно всё выяснила. Экзамен по рисунку стоит самым первым. Хоть ты поступи сейчас, хоть после окончания средней школы – а этот экзамен является самым главным.

«Профилирующим» – говорит дедушка, и объясняет: «от слова «профиль». Раз ты собралась учиться по художественному профилю, стало быть, этот экзамен и покажет, насколько хорошо ты рисуешь.

Саша пока не знает, какую профессию для себя лучше выбрать. Пойти ли ей действительно учиться на художника-оформителя или выбрать более сложный вариант и выучиться на художника-графика. До недавних пор Саша, если честно, даже не знала, кто такой художник-график, она даже и про профессию такую ничего толком не знала. Помог случай. Дело в том, что самый обычный простой карандаш превращается в Сашиной руке в настоящего волшебника. Одно время Саша, не задумываясь, срисовывала этим самым карандашом лисичек и зайчиков из детских книжек. Только было это всё до поры до времени, пока она не увидела на экране монитора героев первых компьютерных игр. Монстры, надо отдать должное, на экране были жутковатыми, видимо, создатель постарался на славу, решив, что чем страшнее будут его герои – тем привлекательнее. Но у Саши было на этот счёт своё собственное мнение. И вот уже одетые в железные скафандры чудовища, вооруженные бластерами с сияющими звёздами, приобрели на бумаге вполне человеческие лица. А одноклассники – те вообще моментально заявили Саше, что играть в компьютер с «её» героями они стали бы намного охотнее. Это уже потом, через некоторое время, узнала Саша, что отрисовкой персонажей для компьютерных игр, да и не только для них, а даже для самых обычных книг, занимается не простой художник, а художник – график. Идея настолько завладела Сашиной головой, что она несколько дней ходила и перерисовывала ставших уже чуть ли не родными монстров и монстриков, увиденных на мониторах в классе информатики. Но потом ей это немного надоело, и она вернулась к «обычному» рисованию. «Да и какая разница – подумала она тогда – художницей я стану или добавится к названию моей профессии ещё и слово „график“. Главное – ведь рисовать уметь!»

А вот то, что она рисует хорошо, да не просто хорошо, а лучше всех в классе – это Саша знает точно. Те самые носы, которые когда-то вызывали любопытство первоклашек, она рисует и лучше, и быстрее остальных. А ещё гипсовые головы воспроизводит на бумаге так, что учительница уже всю стену в кабинете ИЗО Сашиными рисунками завесила. Говорит, это надо для того, чтобы другие видели, как действительно надо рисовать. И человека при ходьбе Саша рисовать умеет. А уж эти геометрические фигуры... Саша и за задание не считает, если на уроке надо «сделать прорисовку» куба или цилиндра, или куба и цилиндра, которые стоят рядом. Причём Аделаида Семёновна иногда ставит эти фигуры так, чтобы на них падал свет из окна, а иногда – когда день пасмурный, и солнца нет, включает свет – и тогда тень от электрических лампочек падает на кубы и цилиндры совершенно по-другому.

Но Саше всё равно! Она сразу видит, как надо нарисовать так, чтобы фигуры на рисунке получились максимально похожими на те, что стоят на обозрение всему классу на высоком

демонстрационном столе. Проходит тридцать минут – и она уже сдаёт готовую работу с правильно наложенными тенями и выдержанными пропорциями.

Аделаида Семёновна каждый раз восхищённо говорит, что у Саши – настоящий талант и что даже она сама так хорошо нарисовать не сможет.

– Ты – тот самый случай, когда ученик превосходит своего учителя, – как-то раз услышала Саша от Аделаиды Семёновны. Вначале Саша восприняла эти слова, как упрёк и ей даже стало немного по себе: как же так? Она рисует лучше учителя?

Но потом всё прояснилось. Оказалось, что Аделаида Семёновна вовсе не сердится на Сашу. Наоборот, она радуется и гордится, что ей досталось учить, как она выразилась, «талант во всех отношениях». Этими словами она, видимо, хотела подчеркнуть, что раз Саша с одинаковой лёгкостью рисует объёмные геометрические фигуры, гипсовые головы и натюр-морты, значит, дар у неё проявляется во всём. Что касается рисования, естественно.

Саша даже как-то раз попробовала нарисовать Наташкин портрет. Результат, честно говоря, Сашу не очень обрадовал. На её строгий взгляд, Наташка получилась совсем не такой, какой пыталась изобразить её Саша. Ей казалось, что глаза получились слишком большими, а рот – непропорционально узким.

– Ничего у меня не вышло, – объявила Саша просидевшей в неподвижном состоянии почти целый час Наташке, и уже хотела выбросить листок с неудавшимся портретом в мусорное ведро. Но Наташка была иного мнения о результатах вождения карандашом по ватману. Она забрала лист из альбома и долго разглядывала его. При этом она восхищённо охала и ахала, называя Сашу настоящей волшебницей. Саша попробовала было доказать Наташке, что её рисунок – это «копилка ошибок», как иногда говорил директор школы, который преподавал математику в средних и старших классах. И даже хотела показать, где, по её мнению, эти самые ошибки скрывались. Но Наташка даже слушать не пожелала про какую-то там копилку, да ещё и с ошибками. Она чмокнула Сашу в щёку и повесила свой портрет над столом, сказав при этом, что так здорово её, Наташу Нестерову, ещё никто и никогда не изображал.

Саша только пожала плечами. На её взгляд, Наташка получилась совершенно не похожей на себя. Но подруги, которые заходили к Наташке, в один голос заявляли, что получилось всё очень даже здорово. В особенности они обращали внимание на глаза, которые, как считала сама Саша, как раз получились, особенно неудачно.

В конце концов, Саша устала спорить и махнула на упрямую подругу рукой. Раз той нравится рисунок – пусть любит. Что, разве Саше жалко?

А тут ещё Вовка Чернухин, прослышавший о том, что Саша якобы «очень похоже» нарисовала портрет одноклассницы, как-то раз спросил: «А меня сумеешь нарисовать?» Но Саша едва посмотрела в его сторону. Ещё чего! Она всё ещё помнила обиду, когда Чернухин сравнил её чёлку с лошадиной, поэтому так и ответила: «Вот пусть тебя лошади и рисуют». При этом она постаралась придать своему голосу достоинство и выдержку, и, видимо, у неё это получилось, потому что оторопевший Чернухин даже не сообразил, что на это ответить Саше. А когда до него дошёл смысл Сашиной насмешки, девочки уже рядом не было.

И вообще, за этот год всё так поменялось! Теперь Саша с удивлением спрашивала сама себя, что такого она могла найти в Чернухине? Ведь всего год назад она ужасно боялась, чтобы краска на лице не выдала её чувств к тому, кто безжалостно насмешничал над ней и над остальными девчонками в классе. А сейчас она даже не замечала, как Чернухин краем глаза косился на Сашу во время уроков, как проходил мимо и при этом тихонечко вздыхал.

Один раз – учебный год уже закончился – Саша, находясь дома, услышала звонок в дверь. Открыв дверь, она, к своему удивлению, за ней никого не обнаружила и едва не наступила на небольшой букетик симпатичных цветочков, который лежал на резиновом коврике перед дверью. Подняв его, Саша по своей привычке только пожала плечами. Цветы, правда, она поставила в небольшую вазочку с изображенными на ней японскими девушками (подарок деду

от пациента, который привёз эту вазу из командировки и решил отблагодарить доктора чем-то необычным), и, надо сказать, что простояли эти цветы достаточно долго.

– С любовью тебе их кто-то подарил, а, Сашенька? – подмигивал, озорно прищуриваясь, дед, словно ждал, что Саша скажет хоть слово о своём воздыхателе.

Но Саша на эти слова не обращала никакого внимания. Мало ли кто мог принести цветы? В конце концов, этот «кто-то» мог ошибиться квартирой или этажом. Вон, аккуратно над ними живёт очень даже симпатичная студентка Ниночка. Может, цветы именно ей и предназначались? И просто по какому-то недоразумению попали к Саше?

И вот девятый класс закончен. Последний звонок получился у них не хуже, чем у более старших учеников из одиннадцатого.

Впереди их всех ждут экзамены. Но это будет завтра. Завтра! А сегодня – весёлый, праздничный день. Сначала на сцене выступают первоклассники. Саша смотрит на них с каким-то миленьким и вспоминает себя, как она когда-то давно боялась идти учиться. После первоклашек сцену занимают ученики девятого класса. Потом своё напутственное слово говорят учителя, потом родители.

Цветы, цветы, цветы... Кажется, весь актовый зал утонул в тюльпанах и розах всех оттенков. Саше, после того, как она выступила с песней, тоже подарили цветы. Какой-то незнакомый мальчик из начальной школы, у которого был написан восторг в глазах, и... Вовка Чернухин!

На какое-то мгновение Саша смущается. Ей никогда ещё не дарили цветы вот так, при всех. Но она быстро берёт себя в руки и, улыбаясь, кивает Чернухину: «Спасибо!»

Чернухин сначала как-то напряжённо смотрит на неё, но потом тоже расплывается в улыбке.

– Ты поедешь сегодня на теплоходе? – догоняет он Сашу в коридоре.

– Конечно, – утвердительно кивает Саша, – когда ещё соберёмся все вместе...

Она всё-таки решила уйти из школы. Рисование захватило её настолько, что учёба в художественном колледже, как его называют с недавних пор, кажется ей более интересной.

Мама тоже, кажется, была не против Сашиной идеи, а вот дед долго качал головой. Он всегда хотел видеть Сашу на сцене и втайне мечтал, что музыкальная школа станет только стартовой ступенькой той самой лестницы, которая выведет его любимую внучку в певички.

Однако Саша решила иначе. Она и деда очень любит, и заботу его понимает, но петь всю жизнь – всё же не её. Вот рисовать – это совсем другое дело.

Но сегодня об этом думать не хочется.

Саша подаёт свободную руку Чернухину и вдруг замечает в его глазах какой-то странный блеск.

– Какая ты сегодня красивая, – произносит он, и Саша вдруг понимает, что он говорит это от чистого сердца.

– Только сегодня? – улыбается она, пряча в улыбке хитринку.

И пока Чернухин, словно застигнутый врасплох этим вопросом, на какой-то миг теряется и соображает, что ему ответить, Саша, сбегая со знакомой лестницы, легко стучит каблучками туфель, обращаясь с последней ступеньки к оставшему от неё однокласснику: «Чего стоишь? Догоняй!..»

И с цветами в руках бежит по школьному паркету. Навстречу новой жизни.

ЧУЖАЯ ДУША

Осидаку А. В.

Я никогда не воспринимала Лёху всерьёз. Для меня он был шалопаем, разгильдяем и хулиганом. Если бы я постаралась, то нашла бы и другие слова в его адрес. И поверьте, эти слова не блистали бы любезностью! Почему – так хотя бы потому, что я совершенно искренне считала: он был их вполне достоин, этих эпитетов. Да если бы моё мнение было единственным в нашем густонаселённом доме! Когда во дворе происходили какие-то крупные или мелкие потасовки, неурядицы, шум или споры до хрипоты – причина могла быть только одна: Лёха!

Во дворе всегда можно было услышать именно его голос. Рыжая Лёхина голова постоянно мелькала то тут, то там. Он ухитрялся вроде бы только что гонять мяч с пацанами или стоять в воротах, а через пять минут запросто мог запрыгнуть в песочницу к играющим в ней малышам. При этом он насмешливо произносил, что то, что башня, построенная ими, построена совсем неправильно. И тут же, в течение нескольких секунд, он строил ребятишкам «правильную» башню, которая через минуту рушилась. Обомлевшие от Лёхиного напора детишки, даже не успевали напугаться и заплакать, а он уже мчался по двору с жутким улюлюканьем, пиная подвернувшуюся под ноги консервную банку.

– «Шило!» – ругаясь, называла его мать.

– «Коза-егоза!» – вторила ей строгая бабушка, держа за спиной старый ремень, которым она иногда пользовалась, исключительно в «воспитательных целях».

Какое там шило! Какая егоза! Мягко сказано! Это был кусок динамита, готовый взорваться в любой момент, даже если бы к нему привязали не Бикфордов шнур, а самую обычную бельевую верёвку!

Коты и кошки при виде Лёхи разбегались моментально. С собаками картина обстояла примерно так же. Потому что не было в нашем дворе живого существа, которое Лёха не дёрнул бы за хвост, не скорчил бы перед его мордой страшную мину или не учинил бы какое-то другое озорство. Он был горазд на проделки, выдумывая их буквально на ходу. Мне вообще казалось, что его голова больше ничем не занята, кроме изобретения шалостей разного рода. Видимо, внутри Лёхи работал какой-то неутомимый мотор, потому что ходящим спокойно его ни разу не видели. Он даже в школу и обратно несся пулей. Утром от того, что вечно опаздывал, а днём – потому что торопился быстрее попасть домой, отсидев надоевшие школьные занятия.

Я вообще не представляла себе, как он сидел за партой, потому что по моим соображениям Лёха не смог бы просидеть спокойно даже пяти минут (о нескольких уроках речь даже не велась). Это был своеобразный «вечный двигатель», а так же «вечный прыгатель» и «вечный бегатель».

Кстати, в школе Лёха тоже был известен, как первый сорванец и возмутитель спокойствия всего педагогического коллектива. Об этом наш дом узнал, когда возле подъезда, где проживал Лёха, в один прекрасный день остановился милицейский «УАЗик». Вышедший из него человек в форме хмуро поздоровался с сидящей на скамейке тётёй Ниной с первого этажа и стал расспрашивать её про мальчика из двадцать пятой квартиры, под которым, конечно же, подразумевался Лёха: давно ли он проживает в этом доме, с кем проживает, как характеризуется жителями подъезда и дома в целом, ну, и так далее.

Тётя Нина, у которой Лёха периодически рисовал мелом на двери улыбающиеся рожицы или чёртиков, не преминула рассказать стражу порядка обо всех Лёхиных проделках. При этом для своего рассказа красок она не пожалела, расписав все Лёхины «подвиги» в самых ярких тонах и оттенках. Сама она довольно тяжело дышала, дойдя до конца своего повествования. И неизвестно, что именно было тому виной: то ли возмущение, то ли от гордость, что теперь-

то уж «она вместе с милиционером призовет хулигана к ответственности» – но эмоции для лица тёти Нины тоже не пожалели краски. В основном, конечно, красной.

От рассказа уважаемой пенсионерки милиционер помрачнел ещё больше и зашёл в подъезд, видимо, намереваясь услышать подтверждение слов соседки от других жителей, а, может быть, даже и от самого Лёхи. Крикнувшей ему вслед тётке Нине «А что случилось?» – милиционер не ответил.

Но ведь всем известно, что шила в мешке не утаишь. К вечеру от Лёхиной бабушки – Валентины Петровны – соседи, совершавшие вечерний моцион «прогулки на свежем воздухе», попросту сидя на лавочках с обеих сторон подъезда, узнали, что её внук «прославился» тем, что его безобразиям, видимо, двора уже не хватало, и они просочились с дворовой территории на школьную. Хулиганский поступок состоял в том, что Лёха, зашедший в учительскую за классным журналом, незаметно прихватил с собой ключ от учительской.

– Ладно бы на этом всё закончилось! – восклицала с возмущением Валентина Петровна, – так ведь что учинил, негодный мальчишка! Запер потихонечку учительницу математики, которая что-то писала в своей тетради, в учительской, а ключ спрятал – где бы вы думали?

– Где? – хором спросили обе лавочки.

– Под паркетной доской в коридоре! – в отличие от тёти Нины, Валентина Петровна стояла бледная, как наволочка.

– Ох! – не сговариваясь, выдохнули лавочки. И через полминуты превратились в рой жужжащих пчёл, обсуждая очередную Лёхину выходку.

Если бы Лёха вышел в тот вечер на улицу, то, наверное, весь рой так бы и вонзился в его руки и ноги. Но Лёха так и не появился среди гуляющих сверстников, из чего можно было сделать вывод, что старый ремень в тот вечер «в воспитательных целях» всё-таки был пущен в ход.

Своего велосипеда у Лёхи не было. Дворовые же ребята свои «вёлики» давать Лёхе напрокат опасались, потому что все знали: если в его руки попадёт какая-то вещь, целой и невредимой она уже к владельцу не вернётся. Он умудрялся сесть на велосипед и, отъехав метров на тридцать, обязательно врезаться в дерево или наехать на камень. Или с гиком захватить на чужом велосипеде в самую глубокую лужу и застрять там. Поэтому владелец двухколёсного агрегата мог рассчитывать в лучшем случае на то, что велосипед ему вернут мокрым и грязным.

В худшем же случае Лёха возвращал технику либо со слетевшей и намертво застрявшей между рамой и звёздочкой цепью, либо со свёрнутым набок рулём, либо без одной педали. При этом, отдавая назад сломанный велосипед, он обычно говорил беспечным тоном: «Да ладно, что у тебя отец без рук что ли? Тут ремонта на две минуты». Или: «Да брось реветь, с одной педалью тоже кататься можно». При этом Лёхино лицо выражало такую непоколебимую уверенность, словно он действительно катался на велосипеде исключительно с одной педалью и сам за несколько минут мог сделать любой, даже самый сложный ремонт, в котором после его проделок неизменно нуждалась любая вещь.

Посылать Лёху в магазин было пустой затеей. Если ему поручали купить молока, то пакет по дороге домой неизменно давал течь, и при самом лучшем раскладе, в нём оставалась примерно половина.

Если Лёхе было велено купить буханку хлеба, то по дороге домой бóльшая часть либо съедалась, либо скармливалась голубям, которых Лёха днём раньше гонял по всему двору. Если бы его попросили принести из магазина десяток яиц, то, я нисколько не сомневаюсь, что он не принёс бы целым ни одного яйца. Видимо, именно по этой причине, поручать купить те или иные продукты в магазине или ларьке, который располагался с другого конца дома, Лёхе постепенно перестали.

Когда я выходила из квартиры, я каждый раз внимательно смотрела под ноги. Пролитое на резиновый коврик, как бы невзначай, растительное масло или рассыпанные под дверь «сами по себе» канцелярские кнопки, а так же брошенный ну совершенно без задней мысли кусок гудрона, наступить на который было чревато прилипанием к полу прямо в подъезде – всё это в моей жизни уже было. И политые каким-то прозрачным, но от этого не ставшим приятным, клеем перила, за которые утром схватились почти все, кто торопился на работу в первую смену – тоже было. И замки в почтовых ящиках, которые внезапно, а главное – одновременно! – сломались у жителей всего подъезда – и с этим пришлось познакомиться!

Последняя Лёхина выходка, когда он с балкона облил холодной водой ничего не подозревающих соседок, которые по его мнению, «чересчур громко» обсуждали свои походы по врачам, чем мешали ему делать уроки, дней пять была притчей во языцех у всего подъезда. Я в этом обсуждении участия не принимала, но для себя решила: «Предупрежден – значит вооружён». А поскольку жизнь этих «предупреждений» предоставила мне уже более, чем достаточно, всегда выходила на нашу площадку, внимательно глядя по сторонам. Себе же под ноги я и подавно смотрела чуть ли не с утроенным вниманием, потому что встать на кнопки или вторично приклеиться подошвами к цементному полу я совершенно не желала!

На четвёртом курсе меня угораздило влюбиться в курсанта военного училища тыла, который, как и я, учился уже на четвёртом курсе. Брюнет с карими глазами в военной форме, на которой красовались погоны с буквой «К», мягкий и обходительный, появился в один из субботних вечеров на институтской дискотеке. Пригласив меня на первый же медленный танец, он двигался плавно; при этом он очень аккуратно, но, тем не менее, уверенно поддерживал меня за талию. Позже он признался мне, что раз в неделю у них проходят обязательные занятия с учителем танцев, так что мои вопросы, где он научился такому деликатному обращению с партнершей во время звучания медленной композиции, отпали сами собой. Надо сказать, что и в общении вне стен танцевального зала мой кавалер оказался более, чем тактичным: лишних вопросов не задавал, с поцелуями и ласками навязчиво не лез. Он вообще проявил такую скромность, какой я доселе просто не встречала, что через какое-то время я начала медленно, но верно понимать: это именно моя судьба, и ничья другая!

Правда, моя так внезапно вспыхнувшая любовь сразу потянула за собой проблемы, которые пришлось решать настолько быстро, насколько это было возможно.

Окончание Василием четвёртого курса означало то, что он должен расстаться со стенами родного училища и ехать туда, куда его, новоиспеченного лейтенанта, отправит военное руководство. Окончание же четвёртого курса мной, означало только то, что я, сдав летнюю сессию, плавно перехожу на пятый и продолжаю учиться в своём университете на биолога-ботаника.

Такое несовпадение в учебном процессе заставило нас призадуматься над тем, как мы будем выкручиваться из этой ситуации. Нет, можно было бы конечно отпустить Васю в Североморск, куда, скорее всего, его собирались направить после учёбы, а через год приехать туда самой. Он бы за это время обустроился, привык к новому месту жительства и климату, а год... ну, что такое год? Пролетел бы быстро, как незаметно пролетели четыре года, проведённые нами в учебных заведениях. Но мы с Васей были так влюблены, что не представляли себе разлуки даже на неделю. А тут – год! Да мало ли, что за год может случиться! Ну уж нет, никаких расставаний, никакого года жизни друг без друга!

После того, как мы расписались в ЗАГСе и устроили небольшую вечеринку с друзьями в нашем студенческом кафе, я приняла решение перевестись на заочное отделение и доучиться год без своих однокурсников, зато, находясь рядом с любимым человеком.

– Всё-таки, уезжаешь? – заглядывая мне прямо в глаза, спрашивала Людмила Фёдоровна, у которой я снимала квартиру четыре года подряд, – а то, гляди, доучилась бы спокойно, и потом поехала бы к своему ненаглядному.

Но я была непреклонна. Да и менять что-либо было уже поздно. Заявление о переводе на заочное отделение уже неделю, как было подписано нашим деканом. Оставалась небольшая формальность: отнести его на подпись к ректору, но тут я особых проблем не видела. Несмотря на то, что я училась неплохо, научная деятельность меня не привлекала. Меня куда больше устроило бы спокойное место работы где-нибудь в ботаническом саду. Хотя я понимала, что там, куда мне предстояло отправиться с мужем-лейтенантом, ботанический сад, скорее всего, отсутствовал.

– Ничего, – храбрилась я потихоньку, – будем надеяться, что в Североморске найдётся для меня место в какой-нибудь лаборатории. Для начала, конечно. А дальше... дальше будет видно.

Людмилу Фёдоровну понять было можно: ей предстояло снова заняться поиском жильцов, у которых аккуратность жила бы в крови. И чтобы они не водили бы гостей, устраивая до полуночи пьяные посиделки в кругу друзей. В этом случае я идеально подходила под все её требования – квартиру содержала в чистоте, регулярно мыла полы в общем коридоре, не курила, аморального образа жизни не вела и так далее.

Итак, распрощавшись с квартирной хозяйкой и получив от неё подарок в виде комнатного гиацинта в красивом старинном горшке, я покинула место своего обитания. Выйдя за дверь, я по устоявшейся привычке посмотрела себе под ноги и окинула взглядом площадку, на которой располагались четыре квартиры (дом, где я жила, был самой, что ни на есть, типичной «хрущёвкой»). Не обнаружив никакого подвоха в виде кнопок, гудрона и прочих Лёхиных «уловок», я спокойно спустилась до первого этажа и вышла на улицу.

– Прощайте, мои дорогие дом и двор, – подумала я, крепко держа в одной руке горшок с цветком, а в другой спортивную сумку, в которой уместились мои немудреные пожитки, в основном состоящие из книг. Одежду и посуду мы с Васей перевезли несколькими днями раньше в квартиру его друга, где обосновались после свадьбы и жили уже месяц.

С небольшой грустью я подумала о том, что, возможно, больше никогда не увижу этих мест: ни качелей, ни песочницы, ни малышей, сосредоточенно строивших в ней крепость из песка...

Начинался новый этап моей жизни, и каким он будет – этого я ещё не знала. Впереди меня ожидал переезд в незнакомый мне Североморск.

Но мне всё-таки посчастливилось попасть в город своей студенческой юности ещё несколько раз.

Приехав и сразу же позвонив по телефону Людмиле Фёдоровне, я услышала её радостный голос, причём радость была такой бурной, словно она разговаривала со своей подругой, а не с бывшей квартиранткой, которая по возрасту была намного младше её. Да и, признаться честно, я думала, что моя бывшая квартирная хозяйка уже забыла о моём существовании. Но с первых же фраз, которые я услышала, я поняла, что глубоко заблуждалась.

– Леночка, лапочка... – бархатно-певуче раздалось на том конце провода, – как ты поживаешь, моя голубка?

Рассказывать о своей жизни вот так, «с налёта», я была совершенно не готова, поэтому очень обрадовалась, когда услышала от Людмилы Фёдоровны приглашение приехать к ней в гости.

Поначалу я подумала, что она зовёт меня именно к себе, потому что вторая её квартира должна была, по моим представлениям, как и в былые времена, сдаваться. Но я ошиблась.

Людмила Фёдоровна пригласила меня как раз туда, где я прожила четыре года, когда училась на биофаке в университете.

И вот мы с ней уже сидели в знакомой комнате, которая мало изменилась со времени моего отъезда. Правда, обои в ней были новые. Шелковистые, блестящие, с крупными розовыми цветами, они, казалось, сжимали комнату и делали её визуально меньше. Я про себя подумала, что если бы хозяйкой здесь была я, то обои бы подобрала кардинально противоположные: мелкие цветочки на пастельном фоне. Вот что сюда бы подошло лучше всего! Но вслух я, естественно, ничего не сказала.

– Ну, как дела? – спросила меня Людмила Фёдоровна, расставляя на столе знакомые чашки в горошек и ставя прямо передо мной плоскую тарелку, на которой лежал открытый пирог с грибами, – рассказывай, как вы там обжились, на новом-то месте?

Я пожала плечами. Рассказывать было особенно не о чем. Учёбу на пятом курсе я так и не завершила, оставшись с незаконченным высшим образованием. Приехав в незнакомый мне Североморск, я к своему удивлению, очень быстро освоилась и привыкла к немного непривычной для меня погоде, самым большим недостатком которой были сильные ветра, которые начинали дуть с декабря и продолжались почти всю зиму.

Завести малыша у нас первые полтора года не получалось, и я уже стала задаваться вопросом, а в состоянии ли я вообще зачать ребёнка (в отношении Васи у меня такого вопроса даже не возникало, потому что я считала его образцом во всех отношениях). Потом я всё-таки забеременела и родила Кириюшу, правда не доносила его два месяца. Но он, помещённый в кювез для недоношенных детей, на удивление быстро выровнялся и вскоре догнал своих сверстников, как в весе, так и в физическом и умственном развитии.

А вот Вася... Об этом думать не хотелось. Говорить тем более. Как мне удалось выяснить позднее, мой красавец-муж, сомневаться в порядочности которого мне даже не пришлось бы в голову, пока я лежала сначала в больнице, потом в роддоме, стал обхаживать – кого бы вы думали? Соседку с верхнего этажа! И ладно бы, если это была приятная молодая женщина. Эта соседка была Васю старше на очень приличное число лет. Этакая «мамочка» для взрослого «сыночка»!

Конечно же, первое время они, как могли, скрывали свою связь, причём делали это довольно умело, словно они были не любовниками, а опытными разведчиками, которые ни за что не допустили бы неверного шага. Я же, если признаться честно, занятая только Кириюшиным состоянием, которое, слава Богу, выравнивалось благодаря наблюдению опытных врачей, а также невиданной доселе умной медицинской технике, на какое-то время утратила присущую каждой женщине бдительность.

Когда, спустя семь или восемь месяцев, я во всех подробностях узнала о похождениях моего благоверного, всё получилось, как в стихотворении Эдуарда Асадова:

*Не выслушал объяснений,
Не стал выяснять отношений,
Не взял ни рубля, ни рубахи,
А молча шагнул назад...*

Только в асадовских стихах речь шла как раз о мужчине. Здесь же эту роль пришлось примерить на себя мне!

Тем не менее, это была правда. Я не стала закатывать Васе ненужных истерик, рассудив, что нервную систему зря изводить не стоит. Позвонила родителям, объяснила ситуацию. Папа сразу сказал: «Приезжай, Ленка, и внука привози. Нечего тебе там оставаться, с этим кобелем!»

Вася всё что-то пытался мне объяснить, что мол, связался со своей пассией по дурацки. Что совсем она ему, молодому, мозги затуманила, пообещав и в квартире его прописать,

и машину, оставшуюся после первого мужа, на него оформить. А он, как глупый мальчишка, на все её обещания поддался. Только я все эти бредни слушать не стала. Не стала, потому что видела: обманывает он меня. И не в прописке, и не в машине там дело. Что послужило настоящей причиной Вазиных походов «налево», мне было безразлично. Какая разница! Раз он нашёл себе, как ему показалось, более достойную пару, пускай с ней и остаётся! Хоть в квартире, хоть в машине, да хоть на краю света!

Покидала я в старую спортивную сумку самое необходимое, купила билеты, забрала Кирюшу и уже через двое суток переступила порог родительской квартиры. Вася, кстати, нас тогда даже не проводил и простого «До свидания» на прощание не сказал. Ну, да Бог с ним...

Мама с папой, конечно, очень обрадовались, когда познакомились Кирюшей поближе. Ведь до этого они видели его только на фотографиях, да по телефону общались, слушая его лепет. А тут внук сам пожаловал! Они его совсем затискали, зацеловали и забаловали. Папа чуть ли не каждую неделю новую игрушку ему приносил.

А мама, как только подошло лето, стала уговаривать меня всё-таки доучиться на пятом курсе, чтобы образование из «незаконченного высшего» превратилось в самое, что ни на есть законченное. Да меня и увещевать особенно было не надо: я же сама понимала, что недоучку никто на более-менее хорошую работу не возьмёт. И что хочешь-не хочешь, а диплом получить нужно.

Поэтому, оставив Кирюшу с родителями, я поехала в родной свой университет, чтобы выяснить, каким образом мне можно восстановиться (если вообще можно, конечно), а заодно к Людмиле Фёдоровне решила заглянуть.

– Да-а-а-а... Ну, ты меня огорошила, – протянула моя собеседница, глядя по старой привычке мне прямо в глаза, – а ведь какая любовь у вас, помню, была!

– Была, да сплыла, – горько усмехнулась я. – Ладно уж, чего о ней жалеть! Вы мне лучше расскажите, как у вас тут дела идут.

Людмила Фёдоровна, словно не ожидая моего вопроса, аж со стула приподнялась. Потом заулыбалась, сказала полусшёпотом:

– Дела у прокурора бывают. А у нас – так, делишки.

– Хорошо, – не отступала я, – тогда рассказывайте про ваши делишки.

– Ты кусок пирога съешь ещё, а то ведь, поди, за целый день маковой росинки во рту не было, – Людмила Фёдоровна кивнула на тарелку и налила мне ещё чаю, а сама меж тем продолжила:

– Внимание, небось, обратила, что двор наш преобразился?

– Обратила, – жуя пирог, ответила я, – чисто стало, как за границей. Заборчики поставили, и цветы вокруг появились.

– Площадка детская тоже новая имеется, – не без гордости в голосе заметила Людмила Фёдоровна, – там и горка деревянная, и домики для игры малышам сделаны. И для мамочек скамеечки предусмотрены.

– А как Лёха поживает? Всё безобразничает? – спросила я, совершенно не приняв в расчёт то, что за то время, пока я не видела Лёху, он должен был вырасти, и что он теперь уже явно не мальчик, а юноша.

– Лёха... – Людмила Фёдоровна сделала паузу, – Лёха совсем другим теперь стал.

Она погрустнела, а затем спросила:

– Валю, бабушку его помнишь?

– Это та, которая его всё «козой-егозой», что ли называла, да ремнём периодически наказывала? – вспомнила я.

– Она, – кивнула Людмила Фёдоровна. – Ох, намаялся с ней Лёха! – и у неё внезапно на глазах проступили слёзы.

– В каком смысле – намаялся? – ничего не понимая, задала я очередной вопрос.

– Инсульт её разбил, примерно через год, как ты уехала, – всхлипывая, ответила Людмила Фёдоровна, – в один момент из живого человека в растение превратилась: ни ходить, ни говорить не могла. Мычала только, да всю нужду прямо в кровати справляла.

– Ох, если бы не Лёха, – продолжала она, – совсем бы от Вали ничего не осталось. Он ведь тогда за несколько дней повзрослел. Всё за бабушкой ухаживал, не отходил от неё. И как он вообще девять классов закончил – одному Богу ведомо. Всё-всё ведь, считай, на нём было: покушать сварить, дома приберись, бабушку переодень, бельё постирай. И в магазин он бегал только тогда, пока Валюша спала. Одну её не оставлял: ни-ни! И вот так почти два года, как сиделка неотлучно за ней смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.